

Из воспоминаний дивизионного генерала Великой армии Жан-Батиста Антуана Марселина де Марбо

*Жан-Батист Антуан
Марселин де Марбо*

... Отступая по направлению к Москве, 8 сентября утром русские вошли в Можайск, где произошло довольно оживлённое кавалерийское сражение, в котором был ранен генерал Белльяр. Наполеон провёл в Можайске три дня для того, чтобы отдать приказы, необходимость которых вызывалась обстоятельствами, а также для того, чтобы ответить на многочисленные запоздалые депеши. Одна из них пришла накануне большого сражения при Москве-реке и очень сильно взволновала его. Она даже во многом способствовала его болезни, потому что в ней говорилось, что наша так называемая Португальская армия под командованием маршала Мармона только что потерпела страшное поражение при Арапилах, около Саламанки в Испании.

Мармон — это была одна из ошибок Наполеона. Император восхищался кое-какими школьными успехами, которых в прежние времена достиг Мармон, и поэтому предполагал у данного маршала наличие военных талантов, но его поведение во время войны никогда не оправдывало эти предположения. В 1811 году Мармон заменил Массену в командовании Португальской армией. Тогда он заявлял, что разобьёт Веллингтона, но всё оказалось совсем наоборот. Мармон только что был разбит и сам получил ранение. Его армия, отброшенная противником в самой большой панике и беспорядке, была вынуждена покинуть многие ранее захваченные провинции и понесла бы ещё большие потери, если бы к ней не присоединился генерал Клозель.

Узнав об этой катастрофе, император должен был хорошенько подумать о том предприятии, какое он осуществлял в данный момент, потому что, пока он готовился через несколько дней войти в Москву во главе самой многочисленной из своих армий, другая его армия только что была разбита в тысячах лье отсюда. Он завоёвывал Россию и вот-вот должен был потерять Испанию! Эскадронный начальник Фавье, который сейчас уже генерал-лейтенант, привёз императору депеши от Мармона. Он захотел принять участие в Бородинском сражении и был ранен в атаке на большой вражеский редут. Вот что значит приехать за своей пулей издалека!

Из воспоминаний дивизионного генерала Великой армии Жан-Батиста Антуана Марселина де Марбо

12 сентября Наполеон покинул Можайск и 15 сентября вошёл в Москву. Этот огромный город был пустым. Его губернатор генерал Ростопчин приказал всем жителям выехать из Москвы. Этот Ростопчин, из которого хотели сделать героя, на самом деле был варваром, не отступавшим ни перед чем ради известности. Он позволил населению растерзать многих иностранных торговцев, особенно французов, обосновавшихся в Москве. Единственным преступлением этих людей было то, что их подозревали в желании видеть войска Наполеона вошедшими в Москву. За несколько дней до Бородинского сражения казаки захватили сотню французских раненых. Кутузов отправил их окольными дорогами московскому губернатору, который без всякой жалости и сострадания к их усталости и несчастьям сначала оставил их на двое суток без еды, а затем с триумфом провёл по улицам Москвы, где многие из этих несчастных умерли от голода. А агенты полиции читали жителям Москвы прокламацию Ростопчина, который, чтобы убедить жителей взяться за оружие, говорил, что все французы были такими же слабыми и глупыми и должны были быстро отступить под ударами русских. После окончания этого ужасного шествия большинства наших солдат, ещё остававшихся живыми, были убиты диким простонародьем, а Ростопчин ничего не сделал для их спасения!..

Разбитые русские войска пересекли Москву и вышли из неё, чтобы переформироваться в более чем 30 лье от столицы, возле Калуги, на дороге, ведущей в Азию. Король Мюрат преследовал их на этом пути со всей своей кавалерией и несколькими пехотными корпусами. Императорская гвардия осталась в Москве, и Наполеон обосновался в Кремле, в древнем укрепленном дворце, который был обычно резиденцией царей. Всё выглядело достаточно спокойно, когда вдруг в ночь с 15 на 16 сентября французские и немецкие торговцы, спасшиеся от происков губернатора, явились, чтобы предупредить штаб Наполеона о том, что город будет в ближайшее время подожжен. Вскоре это предупреждение подтвердил один русский полицейский, который

не мог решиться на выполнение приказа своего командира. От этого человека стало известно, что, прежде чем покинуть Москву, Ростопчин приказал выпустить всех каторжников и заключённых из тюрем, вернуть им всем свободу, и велел раздать им большое количество факелов, сделанных английскими рабочими. Все эти поджигатели спрятались в покинутых дворцах и ждали сигнала!

Узнав об этом ужасном плане, император немедленно приказал принять самые суровые меры. Многочисленные патрули объехали город и убили множество бандитов, захваченных на месте преступления при поджогах. Однако было уже слишком поздно. Огонь вспыхнул очень скоро в различных точках города. Его разрушительное действие оказалось ещё более быстрым также и потому, что Ростопчин приказал убрать все насосы. За короткое время Москва превратилась в страшное пекло. Император покинул Кремль и укрылся в Петровском замке. Он вернулся в Кремль лишь через три дня, когда пожар начал утихать из-за того, что всё уже сгорело. Я не буду описывать подробности пожара Москвы, о котором уже рассказывали его многочисленные свидетели, и ограничусь тем, что ниже рассмотрим последствия этой громадной катастрофы.

Наполеон плохо сумел оценить положение, в коем оказался Александр, и продолжал надеяться на то, что всё уладится. Наконец, устав ждать, он решил сам написать Александру. Тем временем русская армия реформировалась возле Калуги, и оттуда её командиры посылали в Москву представителей, которым было поручено направлять потерявшихся солдат в свои полки. Количество таких солдат оценивают примерно в 15 тысяч. Эти люди скрывались в пригородах Москвы. Они открыто передвигались среди наших бивуаков, сидели у костров с нашими солдатами, ели с ними, и никому не приходило в голову взять их в плен. Это было большой ошибкой, потому что постепенно они возвращались в русскую армию, а наша армия день ото дня слабела оттого, что в ней появлялись больные, и оттого, что на нас начали действовать

Наследие

первые холода. Особенно велики были потери среди лошадей, что объясняли необыкновенной усталостью, которую по вине короля Мюрата в течение всей Русской кампании испытывала кавалерия, коей он был командиром. Мюрат, вспоминая о своих блистательных успехах 1806 и 1807 годов в сражениях с пруссаками, когда он беспощадно преследовал их, думал, что кавалерия должна была выносить всё и совершать переходы по 12–15 лье в день. При этом он совершенно не волновался по поводу усталости лошадей, поскольку главным для него было выйти на врага во главе нескольких колонн! Однако условия с той поры сильно изменились — из-за климата, трудности добывать сено, длительности Русской кампании и особенно из-за упорства русских. Поэтому, когда мы прибыли в Москву, лишь половина наших кавалеристов была на лошадях. И Мюрат завершал уничтожение остатков кавалерии в Калужской губернии. Мюрат, гордый своим высоким ростом, своей смелостью, всегда носивший весьма странные, блестящие костюмы, привлёк внимание противника. Ему нравилось вести с русскими переговоры, поэтому он обменивался подарками с казачьими командирами. Кутузов воспользовался этими встречами, чтобы поддержать во французах ложные надежды на мир. Король Мюрат поделился этими надеждами с императором. Но однажды враг, который прикидывался ослабленным, «проснулся», проник в наши лагерь, отнял у нас несколько обозов, жестоко потрепал драгунский эскадрон гвардейцев и один маршевый батальон, поэтому с той поры Наполеон запретил под страхом смертной казни любое общение с русскими, не разрешённое лично им.

Однако Наполеон не терял надежду на заключение мира. 4 октября он послал своего адъютанта генерала Лористона в штаб Кутузова. Этот хитрый русский показал генералу Лористону письмо, которое он направлял императору Александру, чтобы поторопить его принять предложение французской стороны в связи с тем, что, как он говорил,

«московская» армия была не в состоянии продолжать войну. Но едва офицер с этой депешей отправился в Санкт-Петербург, получив при этом от Лористона пропуск, как Кутузов послал к своему императору ещё одного адъютанта. Этот второй посланец не имел французского пропуска, поэтому он был задержан нашим патрулем, и, поскольку он был хорошей добычей, в соответствии с военными законами, его арестовали, а его депеши были переданы Наполеону. Их текст полностью противоречил тексту тех депеш, какие Кутузов показывал Лористону. И действительно, русский фельдмаршал умолял своего государя не вести никаких переговоров с французами и объявлял ему, что «армия генерала Чичагова, покинувшая Валахию после заключения мира с турками, двигалась по направлению к Минску, чтобы перерезать Наполеону путь к отступлению». Кутузов также информировал Александра о переговорах, которые он ловко вёл с Мюратом, для того чтобы подольше сохранить то ложное состояние гибельной безопасности, в коем французы пребывали в Москве при наступлении столь поздней осени...

При виде этого письма Наполеон, поняв, что его обманули, впал в ужасный гнев и, как говорят, составил план похода на Санкт-Петербург. Однако, помимо ослабления своей армии и зимних холодов, препятствовавших этой серьёзной экспедиции, у императора были и другие крайне важные причины приблизиться к Германии, чтобы иметь возможность лучше наблюдать за ней и видеть также то, что происходило во Франции. В Париже только что возник заговор, и руководители этого мятежа оставались хозяевами французской столицы в течение целых суток! Экзальтированный человек, генерал Мале зажёл в Париже эту искру, которая могла бы превратиться в пожар, и, если бы на его пути не встретился столь же пронизательный, сколь и энергичный человек, ад-жюдан-мажор Лаборд, возможно, с императорским правительством было бы уже покончено.

Пожар Москвы в 1812 году. Худ. Иоганн Адам Клейн. 1830 г. →

Из воспоминаний дивизионного генерала Великой армии Жан-Батиста Антуана Марселина де Марбо

Тем не менее все умы были потрясены этим событием, и можно понять, каково было огорчение Наполеона, когда он узнал об опасности, которой только что подверглись его семья и его правительство!

В Москве положение Наполеона с каждым днём становилось всё тяжелее. Холода делались всё более жестокими, и лишь моральный дух солдат, уроженцев Франции, оставался непоколебимым. Однако эти солдаты составляли лишь половину войск Наполеона. Остальная часть армии состояла из немцев, швейцарцев, хорватов, ломбардцев, римлян, жителей Пьемонта, испанцев и португальцев. Все эти иностранцы оставались верными Наполеону, пока армия одерживала победы. Теперь они начинали роптать, и, привлечённые прокламациями на различных языках, они в большом количестве дезертировали

и переходили на сторону врага, который обещал отправить их на родину.

Добавим к этому, что два фланга Великой армии, состоявшие, главным образом, из австрийцев и пруссаков, не образовывали больше сплошную линию, имевшую также и центр, как в начале кампании. Они находились у нас в тылу, готовые преградить нам путь при первом же приказе своих монархов, старых и непримиримых врагов Франции! Положение было крайне критическим, и, хотя самолюбие Наполеона сильно пострадало от того, что, начав отступление и не сумев навязать Александру заключение мира, ему пришлось признать всей Европе, что он не достиг цели своей кампании, слово отступление было наконец произнесено! Но ни император, ни его маршалы, наконец, никто в тот момент даже не думал о том, чтобы покинуть Россию и вновь

Наследие

переправиться через Неман. Речь шла лишь о том, чтобы устроить зимние лагеря в наименее истощенных провинциях Польши.

В принципе решение о том, чтобы покинуть Москву, было уже принято, однако, прежде чем решиться на его выполнение, Наполеон, сохранявший ещё последнюю надежду на заключение мира, послал Коленкура к Кутузову, который ничего не ответил! Во время этого промедления наша армия таяла день ото дня. Пребывая в слепой беспечности, наши передовые посты в Калужской губернии подвергались опасностям, находясь на очень трудных позициях. И вдруг совершенно непредвиденное событие раскрыло глаза самым недоверчивым и уничтожило иллюзии, сохранявшиеся у императора относительно заключения мира.

Генерал Себастьяни, который, как мы видели, был уже однажды захвачен врасплох при Држе, только что заменил генерала Монбрена в командовании 2-м кавалерийским корпусом. Он находился поблизости от противника, однако проводил дни в домашних туфлях за чтением итальянских стихов, не проводя никаким разведывательных операций. Пользуясь этой преступной небрежностью, Кутузов 18 октября атаковал Себастьяни, окружил его со всех сторон, подавил численным превосходством и принудил оставить часть принадлежавшей этому корпусу артиллерии! Три кавалерийские дивизии Себастьяни, отрезанные от остальных частей Мюрата, смогли присоединиться к ним, лишь отбросив многочисленные вражеские батальоны, которые тщетно пытались противостоять их продвижению. В этой кровавой битве Себастьяни проявил свои достоинства, потому что он был очень смел. Однако можно говорить о нём лишь как об очень посредственном генерале. Вы увидите новые доказательства этому, когда мы будем обсуждать кампанию 1813 года.

В то время когда Кутузов напал на Себастьяни, он также приказал атаковать по всей линии Мюрата. Мюрат был легко ранен. Узнав в тот же день об этом прискорбном

событии, а также о том, что во вражеский лагерь прибыло подкрепление из 10 тысяч кавалеристов из русской армии в Валахии, которых только что пропустили наши союзники-австрийцы, император отдал приказ отходить на следующий же день.

Утром 19 октября император покинул Москву, куда он вошёл 15 сентября. Его Величество, Старая гвардия и основная часть армии отправились по калужской дороге. Маршал Мортье и две дивизии Молодой гвардии остались в городе ещё на сутки, чтобы закончить его разрушение и взорвать Кремль. Затем они должны были стать замыкающими марша нашей армии.

За армией двигалось свыше 40 тысяч повозок, очень мешавших движению. Об этом сообщили императору, и он ответил, что каждая из этих повозок спасёт двоих раненых, накормит нескольких человек и что мы будем избавляться от них постепенно. Мне кажется, что против подобной филантропической системы можно было бы возразить, потому что необходимость облегчить движение отступающей армии должна быть важнее всех остальных обстоятельств.

Во время пребывания французов в Москве король Мюрат и кавалерийские корпуса занимали часть Калужской губернии. Однако они не овладели городом Калугой, окрестности которой очень плодородны. Желая избежать прохода по полю Бородинского сражения, а также по дороге на Можайск, где армия истощила все ресурсы, двигаясь по дороге на Москву, император предпочёл двигаться в направлении Калуги, откуда он рассчитывал дойти до Смоленска по весьма богатым местам, которые, можно сказать, были новыми для нашей армии. Но через несколько дней пути наши войска, чья численность после соединения с королем Мюратом ещё превышала 100 тысяч человек, оказались лицом к лицу с русской армией, занимавшей маленький городок Малоярославец. Позиция противника была очень сильна, однако император приказал атаковать врага принцу Евгению во главе Итальянского корпуса

Из воспоминаний дивизионного генерала Великой армии Жан-Батиста Антуана Марселина де Марбо

и французских дивизий под командованием Морана и Жерара. Ничто не смогло воспрепятствовать стремительному натиску наших частей. После долгой и кровопролитной битвы они овладели городом. В этом сражении мы потеряли 400 человек убитыми или ранеными. Среди убитых остался генерал Дельзон, очень смелый, заслуженный офицер.

На следующее утро, 24 октября, император, удивлённый сопротивлением, которое ему пришлось испытать, и зная, что ему преградила дорогу вся русская армия, остановил армию и провёл три дня в размышлении о том, что он должен предпринять.

Во время одной из рекогносцировок, когда Наполеон приблизился к фронту вражеской линии, его чуть не захватили русские! Был густой туман... Вдруг раздались крики «Ура! Ура!», и масса казаков выскочила из леса,

расположенного поблизости от дороги, и пересекла эту дорогу в 20 шагах от императора, опрокидывая и уничтожая всё, что встречалось на её пути. Но генерал Рапп, бросившись в атаку во главе двух эскадронов конных егерей и конных гренадеров гвардии, постоянно сопровождавших императора, обратил противника в бегство. Именно в этом сражении г-н Ле Культе, мой бывший товарищ по штабу маршала Ланна, ставший адъютантом принца Бертье, вооружённый копьём казака, только что убитого им, совершил неосторожность, кинувшись назад, размахивая этим оружием. Эта неосторожность оказалась тем более опасной, что он был одет в кавалерийский плащ и меховую шапку. Один конный гренадер из Императорской гвардии принял его за казачьего офицера и, видя, что Ле Культе направляется к императору, стал его преследовать и ударил наискосок своим огромным палахом! Несмотря на

Лористон в ставке Кутузова. Худ. Н. Ульянов. 1945 г.

Наследие

это ужасное ранение, г-н Ле Культе, размещённый в одной из повозок, принадлежавших императору, перенёс холода и тяготы отступления и сумел вернуться во Францию.

Разведывательные поездки Наполеона убедили его в невозможности продолжать путь на Калугу без кровавого сражения с многочисленными полками Кутузова. Поэтому Его Величество решил двигаться на Можайск, чтобы достичь Смоленска. Армия покинула богатую местность и стала снова двигаться по уже опустошённым областям, по дороге, которую в сентябре мы уже прошли. На этом пути мы были окружены пожарами и валявшимися повсюду трупами! Маневр, совершённый при этом императором, после десяти дней пути привёл его лишь на расстоянии 12 лье от Москвы, что вызвало у солдат беспокойство по поводу их будущего. Погода становилась всё хуже. Маршал Мортье присоединился к императору после того, как взорвал Кремль.

Армия снова увидела Можайск и поле Бородинского сражения! Земля, изборождённая ядрами, была покрыта обломками касок, кирас, колёс, оружием, обрывками мундиров и тридцатью тысячами трупов, наполовину разорванных волками! Французские войска и император быстро прошли по этой территории, бросив печальный взгляд на эту огромную могилу! Г-н де Сегюр в первом издании своей книги о Русской кампании говорит, что, возвращаясь через Бородинское поле, французы якобы встретили своего несчастного соотечественника, у которого обе ноги были повреждены в сражении и который якобы спрятался в трупе лошади, развороченном осколком, и провёл там 50 дней, питаясь и перевязывая свои раны гниющей плотью убитых!.. Г-ну де Сегюру заметили, что этот человек должен был бы задохнуться от ядовитых смертоносных газов и что, с другой стороны, он скорее предпочёл бы обрабатывать свои раны свежей землей и даже травой, чем увеличивать их разложение, используя гниющую человеческую плоть!

Я делаю это замечание лишь для того, чтобы предостеречь против преувеличений, коих

столь много в этой книге, а книга эта имела такой большой успех потому, что она очень хорошо написана.

После Вязьмы армия попала под обильные снегопады, и ледяной ветер тоже замедлил наше передвижение. Пришлось оставить множество повозок. Несколько тысяч человек и лошадей погибли от холода прямо на дороге. Мясо палых лошадей послужило пищей солдатам и даже офицерам. Арьергард постепенно перешёл от командования Даву под командование принца Евгения и в конце концов под командование маршала Нея, выполнявшего эту трудную миссию на протяжении всего остального пути.

1 ноября мы дошли до Смоленска. Наполеон приказал собрать в этом городе большое количество продовольствия, одежды и обуви, однако администраторы, которым это было поручено, не могли знать, сколь сильны были дезорганизация и беспорядок в армии, и требовали для раздачи всех этих товаров квитанции и выполнения всех формальностей, как это делалось в обычное время. Из-за такой медлительности при распределении провианта и снаряжения солдаты, умиравшие от голода и холода, ожесточились, пришли в неистовство, сломали двери складов и с шумом захватили всё, что в них было, так что многим досталось слишком много, некоторым недостаточно, а другим совсем ничего. Пока наши части двигались в порядке, смесь солдат различных национальностей вызывала лишь небольшие недоразумения. Однако как только несчастья и усталость привели к тому, что ряды нарушились, дисциплина пропала. Как могла она сохраниться в этой громадной массе отдельных индивидуумов, лишённых всего, идущих вперёд как придётся и к тому же не понимающих друг друга! В этой беспорядочной людской массе в самом деле царил полное смешение языков! Всеобщему беспорядку ещё сопротивлялись несколько полков, в основном полки гвардии. Почти все кавалеристы линейных полков, потерявшие своих лошадей, были объединены в батальоны, и те из офицеров, кто ещё был на лошадях,

Из воспоминаний дивизионного генерала Великой армии Жан-Батиста Антуана Марселина де Марбо

образовали эскадроны, командование которыми было доверено генералам Латур-Мобуру, Груши и Себастьяни, выполнявшим здесь функции простых капитанов. В то же время бригадные генералы и командиры полков несли службу сержантов и капралов. Одного только описания подобной организации достаточно для того, чтобы показать, до какой крайности дошла армия!

В этом критическом положении император рассчитывал на войска, состоявшие из частей различных родов оружия, который генерал Бараге д'Ильер должен был привести к Смоленску. Но, приближаясь к этому городу, мы узнали, что этот генерал сдался русской колонне, рассчитывая, что его одного не возьмут в плен и что ему разрешат вернуться к французской армии, чтобы объяснить своё поведение. Однако император не захотел видеть Бараге д'Ильера, приказал ему отправиться во Францию и находится там под арестом, пока его не будет судить военный совет. Бараге д'Ильер не дожидаясь этого суда, он умер от отчаяния в Берлине.

Этот генерал тоже был одной из ошибок Наполеона. Император любил его в Булонском лагере, когда Бараге д'Ильер пообещал ему научить драгун служить одновременно в качестве пехотинцев и кавалеристов. Эта система была опробована в 1805 году во время Австрийской кампании. Старые драгуны, которым было приказано спешиться и которыми Бараге д'Ильер командовал лично, были разбиты при Вертингене на глазах у императора. Им вернули лошадей, их снова разбили. И на протяжении нескольких лет драгуны едва пришли в себя от той неразберихи, какую посеял среди них генерал Бараге д'Ильер. Автор этой неудачной системы впал в немилость и надеялся реабилитировать себя, попросившись участвовать в Русской кампании, где он окончательно пал в глазах императора в результате своей капитуляции без боя, когда он нарушил приказ, предписывающий командиру корпуса, вынужденного сдать, разделить судьбу своих солдат, и запрещающий ему просить у врага особых условий для себя самого.

Проведя несколько дней в Смоленске, для того чтобы собрать части, оставшиеся в арьергарде, император 15-го числа отправился в Красный, где, несмотря на усиленные меры предосторожности, связанные с тем, что сражение происходило неподалёку от города, он отправил одного офицера ко 2-му армейскому корпусу, остававшемуся на Двине и с этого момента являвшемуся единственной надеждой на спасение.

Полки, из которых состоял этот корпус, испытали меньше лишений и меньше устали, чем полки, участвовавшие в походе на Москву. Но как бы в качестве компенсации именно эти полки гораздо чаще с успехом били противника. Наполеон, желая вознаградить их за это, решил назначить офицеров этих полков на все вакантные должности и приказал представить ему предложения о повышении в должностях и чинах, касающиеся офицеров 2-го армейского корпуса. Многие из этих предложений касались меня. В одном из них меня предлагали повысить в чине до майора. Именно это предложение секретарь и представил императору. От генерала Грюндлера, который, имея приказ принести императору все эти депеши, находился в кабинете Наполеона в тот момент, когда тот заканчивал свою работу, я знаю, что император в тот момент, когда стал подписывать бумаги, вычеркнул своей рукой слово майор и заменил его словом полковник, сказав при этом: «Я отдаю старый долг». Таким образом, я наконец стал полковником, командиром 23-го конно-егерского полка. Это случилось 15 ноября, но я узнал об этом лишь некоторое время спустя.

Отступление продолжалось с большим трудом. Неприятель, чьи силы непрерывно возрастали, отрезал от армии корпус принца Евгения, а также корпуса Даву и Нея. Двум первым из них с большим трудом удалось отбиться с оружием в руках и соединиться с остальной армией императора, с большой тревогой думавшего об отсутствии корпуса маршала Нея, от которого на протяжении многих дней не было никаких известий.

Наследие

19 ноября Наполеон дошёл до Орши. Прошёл месяц с тех пор, как он покинул Москву. До Немана оставалось ещё 120 лье. Холод стоял ужасный.

В то время как императора обуревали мрачные мысли о судьбе его арьергарда и его бесстрашного командира маршала Нея, тот совершил один из самых прекрасных подвигов, какие только упоминались когда-то в анналах военной истории. Маршал вышел из Смоленска 17-го утром, взорвав крепостные стены. Едва только его части покинули Смоленск, как были атакованы множеством вражеских отрядов, действовавших на обоих флангах, в голове и в хвосте французской колонны! Непрерывно отражая эти атаки, маршал шёл в окружении неприятеля в течение трёх дней. Наконец его движение было остановлено в опасном овраге в районе Красного. За этим оврагом виднелись массы русских войск и мощная артиллерия, которая открыла непрерывный страшный по силе огонь. Не удивившись этому непредвиденному препятствию, маршал принял смелое решение форсировать овраг и приказал 48-му линейному полку под командованием полковника Пеле, бывшего адъютанта маршала Массены, быстро перейти к штыковой атаке. При звуках голоса Нея французские солдаты, несмотря на усталость, муки голода и холода, бросились на русские батареи и захватили их. Противник вернул свои орудия, а наши солдаты снова отразили неприятеля, но в конце концов им пришлось уступить превосходящим силам врага. Под ожесточённым ружейным огнём погиб почти весь 48-й полк. Из 650 человек, которые вошли в овраг, на другую сторону выбралась всего лишь сотня. Среди них был серьёзно раненный полковник Пеле.

Наступила ночь, и казалось, что любая надежда соединиться с остальной армией императора для арьергардного корпуса утрачена. Однако Ней доверял своим войскам и особенно себе самому. По его приказу были зажжены многочисленные огни с целью

задержать врага в его лагере из опасения новой атаки на следующий день. Маршал решил оставить Днепр между собой и русскими и доверить свою судьбу и судьбу своих воинов тонкому льду этой реки. Он ещё колебался относительно дороги, по которой следовало идти, чтобы как можно скорее добраться до Днепра, как вдруг русский полковник, прибывший из Красного, представился в качестве парламентёра и стал уговаривать Нею сложить оружие! Велико было возмущение маршала при одной лишь мысли о подобном унижении. Поскольку вражеский офицер не имел с собой никакого письменного приказа, Ней заявил ему, что не считает его парламентёром, а рассматривает как шпиона, поэтому он прикажет заколоть его штыками, если тот не приведёт его самой близкой дорогой к Днепру! Русский полковник был вынужден повинаться.

Ней сразу же отдал войскам приказ в тишине покинуть лагерь, оставив в нём артиллерию, ящики с патронами, багаж и раненых, которые были не в состоянии идти. Затем под благоприятным покровом темноты после четырёх часов пути он достиг берегов Днепра. Река уже замерзла, однако лёд был недостаточно толст, чтобы по нему можно было переправляться повсюду, поскольку во льду было много трещин и таких мест, где лёд был столь тонок, что проваливался, когда в этом месте одновременно переходило несколько человек. Маршал приказал солдатам двигаться гуськом, по одному. Переправа через реку состоялась. Войска маршала Нея думали, что находятся в безопасности, как вдруг на рассвете они заметили большой казачий лагерь. Казаками командовал гетман Платов, и поскольку в соответствии со своей привычкой он провёл всю ночь в пьянстве, то в этот момент он спал. Однако в русской армии дисциплина столь сильна, что никто не осмелился ни разбудить своего командира, ни взяться за оружие без его приказа. Поэтому остатки корпуса Нея прошли на расстоянии одного лье от лагеря гетмана и не были атакованы казаками. Казаки Платова появились лишь на следующий день.

